

Э. Абакшина (швед. яз.), О. Артюхина (фин. яз.). СПб., 2013.

⁵ Saksan vankileirit Suomessa ja raja-alueilla 1941–44. Helsinki, 2008.

⁶ Sotavangit ja Internoidut. Kansallisarkiston artikkelikirja. Painopaikka. Helsinki, 2008; Sotatahtumia, internointeja ja siirto sodanjälkeisiin oloihin. Kansallisarkiston artikkelikirja. Helsinki, 2010.

⁷ Предыдущие исследователи имели доступ только к 54 подобным дневникам.

⁸ Российские историки оперировали другой цифрой: «Только за апрель—май 1941 года в СС записались 1 566 кандидатов, из которых окончательно были приняты 1 226 человек» (*Барышников В.Н.* Финны на службе в войсках СС... С. 98).

⁹ См.: СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы: сборник документов / Науч. ред. и сост. Н.С. Лебедева. М., 2012; *Христофоров В.С.* Участие органов государственной безопасности в подготовке и проведении Нюрнбергского процесса // Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. М., 2007. С. 55–60; *Христофоров В.С.* Участие органов военной контрразведки «Смерш» в подготовке Нюрнбергского

процесса // Уроки Нюрнберга и проблемы международной законности. М., 2007. С. 277–282.

¹⁰ Охарактеризованы СС-полки («Нордланд», «Вестланд», «Германия», 5-й артиллерийский), батальоны: истребителей танков, штурмовых орудий и созданный в мае 1941 г. финский добровольческий — «Нордост».

¹¹ Толдзгун, канун 1943 года: финские саперы расстреляли «гражданских шпионов» и военнопленных (Национальный архив Финляндии) (URL: <https://inosmi.ru/history/20191221/246490675.html> (дата обращения: 17.01.2021)).

¹² От Мечетинской до Ростова-на-Дону: как это было глазами участников боёв на стороне фашистов (URL: <https://ok.ru/poiskovoed/topic/67730538670897> (дата обращения: 17.01.2021)).

¹³ «На международном трибунале в Нюрнберге было выяснено, что в городах, находящихся на пути СС-дивизии “Викинг” было убито от 4 280 до 6 950 евреев. Однако эта информация неточная, так как из десяти муниципалитетов информация подтверждается только тремя. Из этого следует, что в июле и августе 1941 г. около 10 000 жителей могли быть убиты по пути следования дивизии» (*Вестерлунд Л.* «Мы ждали вас...». С. 191).

Константин Дроздов, Виталий Тихонов

Многоголосая история войны*

Konstantin Drozdov,

Vitaliy Tikhonov

(both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The polyphonic history of the War

DOI: 10.31857/S086956870015484-3

Взгляд (постмодернистский по своей сути) на прошлое как на сложный и принципиально противоречивый процесс, в котором участвует множество равноправных субъектов, имеющих право на собственный голос, уже стал нормой в пространстве гуманитарных наук. Именно такой подход, дающий максимум возможностей для выражения прямо противоположных точек зрения, востребован современной эпохой. В этой связи

неслучайно, например, присуждение Нобелевской премии по литературе С.А. Алексиевич с формулировкой «За её многогласное творчество — памятник страданию и мужеству нашего времени». Кстати, книга, сделавшая писательницу знаменитой, — «У войны не женское лицо» (1985) — это, по сути, литературно обработанные интервью участниц Великой Отечественной войны, в которых они поделились воспоминаниями и размышле-

* Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / Сост., общ. ред. и вступ. статья О.В. Будницкого и Л.Г. Новиковой. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 493 с., ил. (История сталинизма. Документы).

ниями о женских судьбах в условиях тяжёлой фронтовой жизни.

Военная история не осталась в стороне от социокультурного запроса. Одно из самых заметных явлений последних десятилетий — расширение предметного поля исследования, смещение ракурса с «войны генералов, фронтов и патронов» на «многоголосую войну людей». «Антропологический поворот» усилил интерес к эго-документам, раскрывающим историю человека в вооружённом конфликте: субкультуру комбатантов, их психологию (в том числе после возвращения с фронта), память о войне, её различные аспекты и т.д. Следствием этого стало появление серии документальных публикаций, позволяющих в той или иной форме взглянуть на войну глазами её рядовых участников¹. Особенно заметен рост интереса к материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны при АН СССР, на основе которых (в первую очередь стенограмм интервью, взятых у участников событий) уже вышло несколько сборников².

Американским аналогом Комиссии можно в определённом смысле считать знаменитый «Гарвардский проект» — широкомасштабный опрос учёными эмигрантов из СССР³. Для советологии его материалы стали одним из самых значимых комплексов свидетельств о советском обществе.

Рецензируемое издание — первый опыт научной публикации интервью участников проекта на русском языке⁴. Интересный факт: данный археографический проект, как сообщают авторы-составители, родился из семинара в Высшей школе экономики. Таким образом, представленные интервью это ещё и апробированный источниковедческий практикум для студентов.

Издание открывает статья О.В. Будницкого и Л.Г. Новиковой. Из неё читатель узнаёт, что в публи-

кацию включено 37 переводных интервью, извлечённых из 10-го тома материалов проекта (10-й и 11-й тома имеют подзаголовок: «список по теме военной оккупации»). По мнению публикаторов, тематически интервью можно разбить на три группы: взятые у бывших военнопленных; у «гражданских» лиц; у руководителей и участников национальных комитетов и коллаборационистских формирований. Разумеется, разбивка эта условна, информационный потенциал источников позволяет продолжить классификацию.

Публикаторы не склонны предаваться пространным рассуждениям о репрезентативности интервью как исторических источников. Во введении указано лишь, что перед нами не аутентичные записи, а их переводы на английский, причём исходники не сохранились. Содержатся также рассуждения о преимуществах издаваемых материалов перед интервью, активно собираемыми у ветеранов в конце XX — начале XXI в. Материалы Гарвардского проекта записывались спустя 5—6 лет после войны. Теоретически это позволяет снизить влияние таких факторов, как ослабление памяти или её искажение под давлением официальной идеологии или социально одобряемых оценок. Наконец, акцентируется массовость проекта, позволившая получить широкий спектр сведений о советском обществе в условиях войны и мира. Важно и то, что интервью анонимны. Публикаторам пришлось приложить немало усилий, чтобы их атрибутировать.

Нетрудно заметить, что проблема репрезентативности интервью (вероятнее всего, неосознанно) подменяется размышлениями об уникальности документов проекта. Между тем ознакомление с интервью позволяет рассматривать их как чрезвычайно интересный источник. Читатель регу-

лярно сталкивается с «ненамеренной информацией» — тем, что рассказчик доносит вопреки его ожиданиям и ценностным установкам. Например, калмыцкого националиста Ш.Н. Балинова неприятно удивил «сильный советский патриотизм, особенно среди молодёжи»: «Они говорили: помните, как калмыки жили раньше? Мы, конечно, не коммунисты, но посмотрите, как мы живём теперь. У нас есть своя республика, своя столица, свои министры, великолепный Дом Советов. В Москве прислушиваются к нацменам. Открылось множество школ. Одна девочка объясняла мне: раньше у нас было несколько богачей и тысячи бедняков. А сейчас все поля засеяны, повсюду тарахтят комбайны и т.д.» (с. 127). То есть у населения, даже в районах, сильно пострадавших от коллективизации и голода, сформировались устойчивые советские ценности. Показательно, что их носителем являлась прежде всего молодёжь — люди, не знавшие другой жизни.

Таких примеров много. Разумеется, исследователи не должны забывать и об особенностях появления интервью, специфики их респондентов (в той или иной форме находившихся в конфликте с советской властью) и искажающем факторе двойного перевода. Сложность работы с такого рода источниками знакома и исследователям материалов Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Тем не менее интервью, собранные в рамках Гарвардского проекта, и стенограммы бесед, записанные сотрудниками Комиссии, содержательно хорошо дополняют друг друга, несмотря на то что их объектом стали представители противоположных сегментов советского общества. Так, опросы перемещённых лиц, отказавшихся возвращаться в Советский Союз, по своей структуре чрезвычайно схожи со стенограммами бесед с

солдатами и офицерами Красной армии. Сравнительный анализ показывает, например, что трагическая картина первых месяцев войны (паника, хаос и неразбериха при отступлении) зафиксирована в обоих источниках. Но более всего эта схожесть видна при сопоставлении бесед с гражданским населением, оказавшимся в ходе войны под оккупацией.

Необходимо сказать несколько слов об археографической стороне публикации. В первую очередь следует подчеркнуть, что авторский коллектив проделал огромную работу. Комментарии составлены на высоком профессиональном уровне, они содержательны и помогают читателю осваивать документ. Но насколько удачно решение поместить их в конце книги? Считаем, что это затрудняет работу с текстом, ведь сложность материала требует регулярного обращения к справочной информации.

Сомнения вызывает и подход к заголовкам. Они носят скорее «рекламный характер», когда на первый план выводится информация, способная вызвать немедленный интерес «сенсационным» содержанием («У истоков РОА», «Как белорусские крестьяне землю делили», «Как кавказцы от немцев независимости ждали» и т.д.), либо используется модель биографического повествования («Похождения электрика из Херсона», «От краснофлотца до финского диверсанта: судьба “капитана Орлова”» и т.д.). Не случайно составители рассчитывают, что книга заинтересует широкий круг любителей истории войны. Такой приём довольно распространён в современных публикациях. Но хотелось бы, чтобы в качестве дополнения к ярким заголовкам появились бы классические указания на автора, место, время и содержание текста и т.д. — то, чего требуют правила научной археографии. Это

позволит лучше понять публикуемое и сориентироваться в его изучении.

Книга получилась чрезвычайно интересной и информативной. Она станет не только важным этапом в публикации на русском языке материалов Гарвардского проекта, но и прочно войдет в арсенал исследователей Великой Отечественной войны, особенно таких непростых её тем, как оккупация, коллаборационизм, межнациональные отношения и т.д. Авторы-составители сделали вклад в создание многоголосой истории войны, и их следует поздравить с успехом.

Примечания

¹ Особенно популярно издание фронтовых писем. Из недавних изданий стоит отметить: XX век: письма войны. Антология военной корреспонденции / Под ред. С. Ушакина и А. Голубева. М., 2016. См. также: Козлов В.П.

Фронтовые письма как молитва // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 24—47 (расширенный вариант: Козлов В.П. Археографическое обозрение России. 1991—2012. М., 2013. С. 195—221).

² Hellbeck J. Die Stalingrad Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt a/M, 2012; Марчуков А.В. Герои-покрышкинцы о себе и своём командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М., 2014; Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / Под ред. И. Хелльбека. М., 2015; «Здесь кровью полит каждый метр...» Рассказы участников освобождения Крыма. 1943—1944 гг. Сборник документов / Отв. ред. С.В. Журавлёв. М.; СПб., 2020.

³ См: Кодин Е.В. «Гарвардский проект». М., 2003; Engerman D.C. Know your enemy: the rise and fall of America's Soviet experts. Oxford, N.Y., 2009.

⁴ Здесь следует также отметить серию интервью респондентов проекта в «Живом журнале» историка И. Петрова (URL: <https://labas.livejournal.com/>).

Игорь Богомолов

Сатира, власть и культура в раннесоветском государстве*

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

Satire, power and culture in the early Soviet state

DOI: 10.31857/S086956870015485-4

Исследовательница из Канады Э. Герин изучает становление и развитие сатиры в СССР 1920-х — начала 1930-х гг. На первый взгляд, тема не нова, историки начали интересоваться этим феноменом ещё в середине XX в.: сатирические журналы и карикатуры часто использовались в качестве источников и иллюстративного материала эпохи. Однако основное внимание обращалось не столько на сатиру как таковую, сколько на дебаты в печати о её роли и задачах в социалистическом государстве¹, на образы правителей, внешних и внутренних врагов²,

судьбы отдельных сатириков³, а также на историю крупнейших сатирических изданий (прежде всего, журнала «Крокодил»)⁴. Хронологически лучше всего изучены период Великой Отечественной войны, позднесоветские годы, попытки «реинкарнации» сатиры в новой России⁵. На этом фоне рецензируемое исследование привлекает внимание своими временными рамками. 1920—1930-е гг. — период, когда место сатиры в общественно-политической жизни ещё не определилось, а сама власть ещё не решила окончательно, что делать с прессой такого

* Gerin A. Devastation and laughter: satire, power, and culture in the early Soviet state (1920s—1930s). Toronto: University of Toronto Press, 2018. 282 p.